

© 2000 г., ЭО, № 2

## МАКЛАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1998–1999 гг.

В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в апреле 1998 г. и апреле 1999 г. состоялись очередные Маклаевские чтения, особенностью которых уже стало объединение источниковедения и региональной этнографии Австралии, Океании и Юго-Восточной Азии. Возможно, именно постоянное внимание к личности и трудам Н.Н. Миклухо-Маклая, путешественника и ученого, предопределяет ассоциированный характер источниковедческих и чисто этнографических сюжетов.

Маклаевские чтения 1998 г. были открыты выступлением, посвященным памяти недавно скончавшегося Б.Н. Путилова. Е.В. Ревуниенкова (МАЭ) в докладе «Б.Н. Путилов как исследователь культуры Океании и деятельности Н.Н. Миклухо-Маклая» отметила, что после экспедиции 1971 г. в Океанию Б.Н. Путилов начал серьезно заниматься исследованием океанийской культуры, особенно фольклором и музыкальным творчеством народов Океании, а также изучением деятельности Н.Н. Миклухо-Маклая. Б.Н. Путилов принимал самое активное участие в работе по изданию собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая, написал три книги, посвященные научной биографии и деятельности ученого, во многом основанные на документах, впервые введенных в научный оборот.

Изучение биографии и научного наследия Н.Н. Миклухо-Маклая по-прежнему вызывает интерес участников чтений. Т.К. Шафрановская (МАЭ) выступила с докладом «О некоторых чертах характера Н.Н. Миклухо-Маклая (по письмам путешественника, хранящимся в архиве Зоологической станции в Неаполе)». Как отметила докладчица, письма Н.Н. Миклухо-Маклая позволили исследователям наследия ученого отойти от общепринятых штампов и избитых слов, которыми они часто пользуются, рисуя облик этого незаурядного человека.

Создавая исторический портрет Н.Н. Миклухо-Маклая, Н.А. Бутинцов (МАЭ) указывает, что одной из главных причин выбора Новой Гвинеи в качестве объекта исследования было стремление ученого основать по модели Н.Г. Чернышевского товарищество – Папуасский Союз и этим экспериментально подтвердить тезис о равноценности всех рас.

А.Н. Анфертьев (МАЭ) исследовал ранний период жизни и деятельности Н.Н. Миклухо-Маклая, в частности события осени 1870 г., основываясь на анализе личных писем ученого. Выводы докладчица позволяют пересмотреть некоторые датировки в последнем собрании сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая.

А.М. Решетов (МАЭ) рассмотрел особенности употребления терминов «этнография» и «этнология» в трудах Н.Н. Миклухо-Маклая. Как известно, будущий исследователь папуасов Новой Гвинеи получил образование за рубежом, испытав глубокое влияние зарубежной культуры и научной традиции. Он был членом-корреспондентом Берлинского общества антропологии и этнологии, печатал свои работы в зарубежных этнологических журналах. Даже Новый год он праздновал по европейскому календарю. Все это предопределило более частое употребление им термина «этнология». Однако термины «этнология» и «этнография» он понимал и употреблял как синонимы.

Отдельный блок составили доклады, которые условно можно отнести к «этноистории», в терминах американской школы антропологии. А.Я. Массов (Санкт-Петербургский Государственный морской технический университет) предложил атрибуцию и анализ письма М.К. Кюхельбекера – участника кругосветного плавания 1821–1824 гг. на шлюпе «Аполлон», одного из будущих участников восстания декабристов, о пребывании шлюпа в Австралии и на Камчатке. Черновик письма, хранящийся ныне в рукописном отделе РГБ, был написан, по-видимому, в Петропавловске-Камчатском во время пребывания там «Аполлона» в конце августа – сентябре 1822 г. Для М.К. Кюхельбекера и Камчатка, и Австралия колонии, поэтому его наблюдения естественным образом принимают сравнительный характер: он противопоставляет продуманную, целенаправленную и, по его мнению, эффективную колониальную политику англичан на пятом континенте вялой и беспомощной политике России на Камчатке, приносящей вред коренному населению. В другом выступлении А.Я. Массов рассмотрел деятельность русских консулов в Мельбурне в 1894–1900 гг. по оказанию помощи православной общине Виктории в организации прихода и строительстве храма.

Весьма важной темы коснулась О.М. Федорова (Центральная военно-морская библиотека, С.-Петербург). В Центральной Военно-морской библиотеке (основана в 1799 г.) хранится личная коллекция книг адмирала И.Ф. Крузенштерна. Среди них немало атласов и подборок морских и географических карт, многие из которых посвящены региону Индийского и Тихого океанов, который был сферой особых интересов И.Ф. Крузенштерна. Карты с его исправлениями и дополнениями отражают процесс научной работы и гидрографических наблюдений, а также представляют интерес для историков и географов как мало известный и редкий источник по географии тихоокеанского региона.

Доклад И.К. Федоровой (МАЭ) был посвящен началу колонизации о-ва Пасхи английским кланом Салмона и Брандера, начавшейся вскоре после первых попыток христианизации коренных жителей острова. В конце 60-х годов XIX в. на острове обосновался хитрый и опытный агент торгового дома Салмона Брандер, который вскоре довел рапануцев до полной нищеты и вынудил миссионеров вместе с большей частью аборигенов покинуть остров и переселиться на острова Таити и Мангарева.

Источникведческая тема была представлена несколькими докладами. В докладе Т.К. Шафрановской «Г.И. Лангсдорф и его труд "Заметки во время путешествия вокруг света в 1803–1807 гг.". Франкфурт-ам-Майн, 1812 г.» была дана характеристика этого труда и содержащейся в нем малоизвестной этнографической информации. Докладчица перевела на русский язык главы 5, 6 и 7, которые посвящены пребыванию кораблей «Надежда» и «Нева» в Полинезии (май–июнь 1804 г.). Приведены этнографические сведения о нравах и обычаях, жилище, одежде, татуировке островитян. Наиболее подробно в сообщении были рассмотрены материалы о татуировке, в связи с тем что другие источники подобных сведений не содержат.

В докладе М.В. Станюкович (МАЭ) «Эдуардо Масферре – фотограф-летописец Горной провинции Лусона» говорилось о своеобразном этнографическом источнике – фотографиях филиппинских горцев, которые Эдуардо Масферре (1909–1996) делал всю жизнь и которые в равной мере являются произведениями искусства и уникальным этнографическим источником. Ныне некоторые фотографии Э. Масферре приобрели символическое значение, стали знаменем движения за права и достоинство горцев.

А.К. Оглоблин (СПбГУ) в своем сообщении говорил об отражении традиций и образа жизни минангкабау в их словесности. В адатных стихотворных изречениях изображается коллективистское, демократичное, гуманное и гармоничное общество, что объясняется спецификой данного жанра. В отличие от него в эпосе этого народа повествуется о трагических конфликтах, специфика которых отчасти может объясняться противоречиями между матрилинейным правом и исламом. Мужские персонажи в эпических поэмах *каби* нередко наделены чертами социальной безответственности и порочности. Сходные образы есть и в современной прозе на индонезийском языке. В ней встречается и апология традиционного образа жизни минангкабау, включая и матрилинейность (А.А. Нафис). Осуждение образа жизни большого города сочетается с призывом совершенствовать жизнь в провинции, на селе. Проявляются в этой прозе и элементы социальной утопии (Нурдин Якуб). Традиционный политический строй минангкабау отражен в мифологическом эпосе «Чиндуэ Мато», по имени главного героя («Отрада очей»), который наследует власть от мифической правительницы, удаляющейся на небеса. В одной версии эпоса упадок государства связывается с переходом династии от матри- к патрилинейности (об этом пишет индонезийский исследователь Мурсал Эстен).

На чтениях 1999 г. А.К. Оглоблин рассказал о комплексном исследовании Ириан-Джайа (Западной Новой Гвинеи), проводимом по программе ИСИР (The Irian Jaya Studies – a programme for interdisciplinary research, ISIR) Лейденского университета, о конференции 1997 г. по междисциплинарному изучению п-ова Кепала-Бурунг (Вогелкоп) и о книге, изданной по материалам конференции. Район Ириан-Джайи, издавна включенный через посредство Молуккских островов в международные торговые связи, важен как переходная зона между культурами Азии и Океании. Комплекс работ, отраженный в данной и других публикациях ИСИР, охватывает языки, фольклор, историю, демографию, этнографию, археологию, науки о земле, ботанику, зоологию и основан на архивных и полевых материалах.

Тема письменных источников по Юго-Восточной Азии была продолжена в сообщении Е.В. Ревуенковой об истории появления и особенностях рукописи на малайском языке выдающегося памятника средневековья «Sejarah Melayu», привезенной в 1798 г. И.Ф. Крузенштерном и хранящейся ныне в архиве Института востоковедения РАН.

Проблемы музейных источников были затронуты В.Н. Кисляковым (МАЭ), который рассказал об индонезийских коллекциях из Берлинского музея народоведения, поступивших в Музей антропологии и этнографии в 1899 г. Это было одно из первых приобретений музея, полученных путем обмена (МАЭ передал в Берлин дубликаты полинезийских экспонатов, привезенных участниками русских кругосветных экспедиций). Всего МАЭ получил более 300 предметов (оружие, различные украшения, домашняя посуда и

утварь, принадлежности для курения и жевания бетеля и пр.), главным образом с о-ва Тимор и Южно-Молуккских островов, т.е. из тех районов Малайского архипелага, которые ранее не были представлены в музее, а также с Больших Зондских островов (Ява, Сулавеси). По всей видимости, эти вещи входили в состав обширных собраний, привезенных в Берлин капитаном Адрианом Якобсоном, побывавшим в 1887–1888 гг. в районе Молуккских островов и в Восточной Индонезии, и путешественником Федором Ягором, который в 70-х годах XIX в. посетил многие страны Зарубежной Азии.

В докладе М.С. Б у т и н о в о й (Музей истории религии, С.-Петербург) в качестве источника по семье и браку меланезийцев использовались материалы Н.Н. Миклухо-Маклая. В докладе отмечалось, что материалы, собранные русским ученым по данной теме, могут дать представление о семейных отношениях и брачных обрядах в эпоху племенного строя. Докладчик подчеркнул особую важность и ценность всех этнографических материалов Н.Н. Миклухо-Маклая, в том числе и по указанной проблеме. Сопоставление этих материалов с более поздними данными позволяет проследить эволюцию семьи и брака, их изменение под влиянием внешних факторов. В другом докладе М.С. Бутинова говорит о том, что многие исследователи ограничивали изучение духовной культуры этих народов вопросами религии, мифологии, искусства и недостаточно изучали их положительные знания.

В докладе И.К. Федоровой «Еще раз о дешифровке кохау ронгоронго с о-ва Пасхи», посвященном краткой истории дешифровки рапануйского иероглифического письма, отмечалось, что зарубежным ученым так и не удалось найти правильное решение этой проблемы, однако, если следовать идее Ю.В. Кнорозова о иероглифическом (морфемно-слововом) характере письма о-ва Пасхи, появляется возможность выявить главную особенность этого вида письма – «игру» омонимов в рапануйском языке. Данное открытие позволило докладчику впервые осуществить сплошную дешифровку рапануйского письма и перевод всех текстов кохау ронгоронго.

В сообщении А.Г. К о з и н ц е в а (МАЭ) были приведены последние антропологические и археологические данные, относящиеся к заселению и этнической истории южной части Тихоокеанского бассейна. Преемственность между среднелейстоценовыми архантропами и современным населением не обнаруживается. Судя по всему, монголоидная раса формировалась на основе австралоидной, причем разные группы отражают разные стадии этого процесса: австралийцы, тасманийцы, папуасы и меланезийцы – древнейшую, аэта, семанги, андаманцы и айны – более позднюю, а полинезийцы и южные монголоиды – соответственно пред- и раннемонголоидную. Картина, однако, осложняется смешением и адаптацией к тропическому климату.

В рамках источниковедческой темы Е.С. С о б о л е в а (МАЭ) затронула некоторые проблемы авторского права и смежных прав аборигенов Австралии и Океании. Основное внимание было уделено рассмотрению практических рекомендаций представителя Австралийского совета по авторскому праву аборигенам и островитянам Торрессова пролива в области исполнительских искусств, устного народного творчества. Намечены такие области противоречий, как права субъектов фотографий, права общины, конфиденциальность информации и др. Прямые последствия указанных конфликтов – осложнение полевой работы этнографов и обнародования ее результатов.

Рядом докладов и сообщений достаточно полно была представлена сфера социокультурной антропологии. Н.А. Бутинов вновь обращается к теории родовой организации. Род обычно определяют как группу лиц, ведущих свое происхождение от общего предка. Для Меланезии это не характерно: здесь каждый помнит своего деда, прадеда, и на этом его генеалогическая память кончается. С родовым предком его связывает не генеалогия, а обряд инициации. Говоря о двух волнах заселения Меланезии (папуасы и меланезийцы), докладчик пришел к выводу, что в Меланезии более ранним является отцовский род (папуасская волна мигрантов из Юго-Восточной Азии), а более поздним – материнский (меланезийская волна мигрантов). По мнению Н.А. Бутинова, в этом нет местной специфики, так обстояло дело и на северо-востоке Индии (где у менее развитых племен – отцовский род, у более развитых – материнский), и в других местах Меланезии материнский род отмечен у племен с явными признаками социального расслоения.

Сообщение А.М. Решетова было посвящено некоторым аспектам сексологических знаний и культуры папуасов. Основываясь на экспедиционных материалах Н.Н. Миклухо-Маклая, опубликованных в первых пяти томах его шеститомного собрания сочинений, он рассказал об операциях, проводимых местными врачами, в частности, для получения большего удовольствия при половом акте, для предохранения от беременности и т.д., что свидетельствует о глубоких анатомических знаниях папуасов.

В докладе Е.В. И в а н о в о й (МАЭ) «В поисках безопасности и благополучия: традиционные установки в тайском менталитете» речь шла об одном из двух полярных компонентов в тайской картине

мира – сверхъестественной силе *саксит* (благодетельной или вредоносной в зависимости от обращения с ней), связанной с мужским началом (второй компонент – моральная доброта – ассоциируется с женским началом). Постоянными жертвоприношениями носителям силы саксит (локализуемым в буддистских храмах, статуях Будды, на алтарях духов-хранителей или рассеянным в окружающем пространстве) тайцы обеспечивают себе их покровительство. Особое внимание в докладе было уделено еще одному варианту средоточия саксит – амулетам, используемым для нейтрализации вредного влияния злых духов. На чтениях 1999 г. Е.В. Иванова познакомила слушателей с итогами анализа ритуальной деятельности в тайской деревне Таиланда. Место духовной элиты в традиционном тайском обществе занимают достигшие определенного уровня буддийской учености служители буддистского культа, специалисты по ритуалам *кван* – знатоки календарной обрядности и обрядов жизненного цикла, астрологи и знахари. Кроме них, в тайской деревне функционирует группа специалистов, ответственных за лечение болезней, не входящих в компетенцию знахаря, а именно тех, которые вызывают злые духи или разгневанные духи-хранители. В докладе рассмотрены приемы, используемые для выявления и лечения такого рода недугов прорицателем *маутангом*, посредниками между людьми и духами *чамами*, медиумами *твимами* и заклинателями духов *лаутами*, а также пути этих специалистов к своим «должностям» (обретение и избранничество).

В сообщении В.Р. А т н а ш е в а (СПбГУ) «Миф о По Нагар и сотворении мира у тямов Вьетнама» дается анализ и приводится краткое содержание оригинального космо- и этногонического мифа тямов–бани Центрального Вьетнама. По Нагар – богиня-мать и мифическая основательница тямского государства. В мифе присутствуют теогонические мотивы, образ мирового древа, фигурируют персонажи мусульманской мифологии. Анализ мифа, в котором сочетаются совершенно разнородные элементы, выявляет синкретизм религиозных представлений тямов. В другом сообщении докладчик обращается к социальной антропологии, рассматривая особенности матрилокальных отношений тямов-мусульман Центрального (тямь-бани) и Южного Вьетнама. У бани женщина занимает главенствующее положение в семье и обществе, что характеризуется также сохранившимися матрилинейными отношениями. Напротив, у гораздо более ортодоксальных мусульман Южного Вьетнама, имеющих патриархальный уклад, сохраняется только обычай, по которому в течение нескольких лет после свадьбы супруги живут в доме жены.

В докладе М.В. Станюкович речь идет о формах участия в ритуальной деятельности. У ифугао Филиппин жрецами традиционно становятся мужчины, а шаманками – женщины. Деятельность жреца носит интеллектуальный характер и опирается на обширные познания, приобретаемые в ходе длительного обучения. Специализация шаманки – эмоционально-духовное. Информаторы подчеркивают прямую связь шаманки с миром духов и получение сакральных знаний непосредственно от них. Общий объем интеллектуального багажа шаманки значительно меньше, чем у жреца, ее сила – в могуществе ее духов. Персонажи *худхудов* (женского шаманского эпоса) входят в описанный Р.Ф. Бартоном класс *халупе* («убеждающих» богов мужской классификации), составляя, по словам моих информаторов, подкласс *халупе ма'уле* – добрых, милостивых *халупе*. Класс *халупе* насчитывает помимо персонажей *худхудов* еще около сотни богов. Их имена – производные от их функций – часто связаны с психологическими или эмоциональными состояниями («вызывающий стыд», «дающий видения», «привлекающий любовь»), т.е. весь этот класс божеств близок к женскому шаманскому миру.

П.Л. Б е л к о в (МАЭ) коснулся некоторых аспектов связи мифа и социума. Поскольку локальный миф – это в сущности развертывание образа первопредка, как таковая эта форма мифа представляет собой средоточие первобытной концепции родства. Несмотря на бесконечное разнообразие аспектов локального мифа, все они сводимы к одной единственной функции – функции обоснования существования, т.е. *решкарнации* некоторого индивида. Градации существования (возникновение/существование/исчезновение) – основа сегментации событий, затрагиваемых в мифе о локальном тотемном первопредке. В другом докладе П.Л. Белков рассматривал проблему тотемизма аборигенов Австралии. По-видимому, данная проблема состоит не в создании систематического каталога различных форм тотемизма, а в построении подобных объектов теоретическими средствами. Число тотемических форм в аборигенной культуре может быть сколь угодно большим, но для их выделения достаточно трех элементов: тотемный первопредок, тотемное животное, тотемный фетиш. Четвертый элемент, предпосылкой которому служат три предыдущих, – это сам индивид, тотемная личность аборигена Австралии.

Доклад Ю.Е. Б е р е з к и н а (Институт истории материальной культуры РАН, С.-Петербург) «Меланезийско-амазонские параллели в мифологии» интересен как раз тем, что выводит Маклаевские чтения за рамки традиционной сферы региональных исследований. Описывается характер распределения фольклорно-мифологических мотивов в 145 ареальных традициях (около 20 тыс. текстов). Максимально

различаются мифологии североцентральных областей Северной Америки (в основном алгонкины и сиу) и Амазонии (особенно Северо-Западной) и Льяносов. В Южной Америке наибольшее число «северных» элементов представлено в мифологиях тихоокеанского пояса и особенно Южного Конуса. «Северный» комплекс, видимо, связан с кловисским эпизодом заселения Америки (IX тыс. до н.э.). «Амазонский» комплекс может быть более ранним. В Азии доля «амазонских» мотивов возрастает при движении от Чукотки на юг, достигая максимума в Восточной Индонезии – Меланезии.

Обсуждая результаты работы, выступавшие выразили единодушное мнение, что в будущем, несмотря на трудности организации, необходимо продолжать Маклаевские чтения, являющиеся важным инструментом сохранения и поддержания традиций изучения Австралии, Океании и Юго-Восточной Азии в отечественной этнографической науке. Очередные Маклаевские чтения состоятся в апреле 2000 г.

П.Л. Белков

© 2000 г., ЭО, № 2

### **ЧЕТВЕРТЫЕ СИБИРСКИЕ ЧТЕНИЯ «КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ СИБИРИ И СЕВЕРА»**

12–14 октября 1998 г. в Санкт-Петербурге состоялись очередные Сибирские чтения, которые раз в три года проводит отдел этнографии Сибири Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Начало чтениям было положено в 1988 г., когда в Ленинград приехали ученые из многих городов Советского Союза. В своих выступлениях они значительное место уделили одному из самых сложных и больших вопросов – современному состоянию народов Сибири. Материалы следующих Сибирских чтений уже были опубликованы<sup>1</sup>. По третьим Сибирским чтениям выпущен сборник докладов<sup>2</sup>.

На четвертых Сибирских чтениях выступали ученые из Санкт-Петербурга, Омска, Москвы, Екатеринбурга, Тобольска, Якутска, представившие 34 доклада.

Каждое заседание посвящалось одному из аспектов научных исследований. На первом были заслушаны доклады источниковедческого и историографического характера. Открылось заседание выступлением Е.А. Алехсеевнко (С.-Петербург), в котором она рассказала о сложной судьбе одного из своих информантов – кетки О.В. Тыгановой, знатока традиционной культуры.

Роль исследователей-сибиреведов в отечественной науке была показана в докладах Н.А. Томилова (Омск), выделившего несколько периодов деятельности омских ученых, каждый из которых отмечен вошедшими в историю именами (Ч.Ч. Валиханов, М.В. Певцов, И.Н. Шухов, С.И. Кочнев и др.), и А.М. Решетова (С.-Петербург), рассказавшего о разработках С.К. Патканова в области статистики и этнографии.

Ряд выступлений был посвящен богатейшему источнику, на котором основаны работы многих ученых, – музейным материалам. К.Ю. Соловьева (С.-Петербург) проинформировала собравшихся об уникальной фотоколлекции А.В. Адрианова по васоганско-ваховским хантам, хранящейся в Российском этнографическом музее. Ценность этой коллекции заключается не только в том, что она отражает все стороны традиционной культуры, но и в наличии подробных комментариев, включающих в себя еще не известную исследователям информацию. Ч.М. Таксами (С.-Петербург) в докладе основное внимание уделил деятельности участников Джезуповской экспедиции. Вклад ученых и путешественников в формирование фондов отделов Америки и Сибири МАЭ был освещен в докладе Е.А. Окладниковой (С.-Петербург). О небольшой коллекции сибирских вещей, хранящейся в Музее истории религии, рассказала Т.И. Щербак ова (С.-Петербург).

С доклада Т.А. Поповой (С.-Петербург) о коллекциях МАЭ, но уже археологических, поступивших в отдел археологии от имени императора Николая II и характеризующих различные этапы древней истории Минусинской котловины, началось второе заседание, посвященное проблемам культурно- и этногенеза, а также этнической истории народов Сибири. Большой интерес вызвал доклад П.А. Косинцева (Екатеринбург) о хозяйственных занятиях населения р. Казым (правый приток Оби в ее нижнем